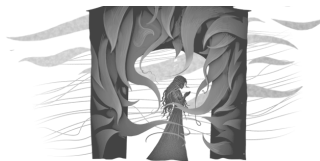

СОДЕРЖАНИЕ

Пролог.....	7
<i>Глава 1.</i> Карина.....	10
<i>Глава 2.</i> Без нее.....	18
<i>Глава 3.</i> Скит.....	30
<i>Глава 4.</i> Локация.....	43
<i>Глава 5.</i> Новая жизнь.....	52
<i>Глава 6.</i> Фото.....	63
<i>Глава 7.</i> Паутина.....	81
<i>Глава 8.</i> Свой крест.....	92
<i>Глава 9.</i> Брат и сестра.....	104
<i>Глава 10.</i> Друзья и недруги.....	116
<i>Глава 11.</i> «Вы еще пожалеете!».....	139
<i>Глава 12.</i> Рафаэль.....	152
<i>Глава 13.</i> Первые шаги.....	171
<i>Глава 14.</i> Оружие гадалки.....	182
<i>Глава 15.</i> Непрошенный гость.....	207
<i>Глава 16.</i> Паша Громов.....	220
<i>Глава 17.</i> Голос с того света.....	234
<i>Глава 18.</i> Дальняя заимка.....	255
<i>Глава 19.</i> Он все слышал.....	268
Эпилог.....	282
Послесловие от автора.....	286

*Даже за самыми правильными
словами иногда прячется дьявол.*

ПРОЛОГ

Матушка Ефросинья поправила платок, подтянула плотнее узел, закрепив его на подбородке: и без того узкое лицо стало еще более узким. Подняла тяжелый взгляд на притихшую перед ней девушку.

— На колени вставай!... — Заметив, что девушка замешкалась, рывкнула: — Повторять тебе?!

Девушка вздрогнула, будто от пощечины, посмотрела затравленно. Подавив вздох, неохотно подчинилась. Медленно опустившись на колени, коснулась голыми руками пола.

Матушка удовлетворенно кивнула:

— То-то же. Я из тебя дурь-то выблю, похоть твою бесовскую...

— Матушка Ефросинья, — простила девушка, едва не падая в обморок, — пощади, не пойму, о чем ты говоришь, в чем меня обвиняешь? Третьи сутки без сна: днем работой загоняешь, не присесть, ночью — на коленях стоять заставляешь перед образами. Сил нет моих больше. Пощади! Да и не виновата я ни в чем!

Матушка нахмурилась. Губы ее сомкнулись в тонкую непримиримую линию, на лбу пролегла глубокая вертикальная морщинка, сделав женщину старше лет на десять.

— Упорствуешь, значит... отпираешься... — прошелестела она.

Девушка встрепенулась, отчаянно замотала головой:

— Нет, что ты, что ты, матушка... — В глазах застыл страх.

Матушка Ефросинья отложила рукоделие, посмотрела строго, будто булавой огрела.

— Сама сюда пришла, помнишь ли? Никто не звал, не тянул тебя.

— Помню, матушка, да я и...

— Законы наши тебе донесли, с ними согласилась ты. —

Матушка не слушала ее, только при каждом слове светлеял ее взгляд и будто начинал гореть изнутри, прожигая поникшую девушку с головы до пят. — А сама, как блудливая девка, к мужикам ластишься!

Девушка в ужасе отпрянула:

— Что ты, и в мыслях не было... Да и какие мужики...

— Молчать! — Матушка Ефросинья наотмашь ударила ее по лицу.

Та повалилась на пол, матушке в ноги. Схватила дрожавшими руками за сапоги:

— Пощади...

Ефросинья встала, оттолкнула ее. Прошипела зло:

— Бесовское отродье. Шалава подворотная. Я из тебя похоть-то блудливую повыбью. — Девушка вздрогнула, когда заметила, что рука матушки потянулась к висевшей на стене плети — резное кнутовище, свитая из пеньки веревка с грубым узлом на конце. Она втянула голову в плечи, забила в угол. — Мыслишки-то твои поганые повытрясу, как из половика пыльного, — продолжала шипеть матушка, отставляя в сторону руку и замахиваясь.

Когда первый удар опустился на плечи, рассекая тонкую ткань сорочки, девушка коротко вскрикнула, прикрыла голову руками. Кожу опалило — матушка Ефросинья была мастерица хлестать, делала это с отяжкой, срывая взбугрившуюся кожу, раздирая живую плоть до кости. Всхлипывая и прикрывая от увечья лицо, девушка считала удары — два, три, четыре, десять. Матушка дышала тяжело, шаталась. Жаловалась с утра на головную боль. Девушка вздохнула с облегчением — если б не матушкина голова, еще бы десять ударов получила, а после такого неделю не встанешь.

Перешагнув через вздрагивающее тело, матушка Ефросинья прошла в середину комнаты, наклонилась. Отодвинула пестрый половик. Дернув задвижкой, распахнула дверь подпола. Кивнула в темную яму.

— Ступай! — велела непримиримо. Скрестила руки на груди в ожидании. Светлые глаза смотрели с ненавистью и презрением.

— Матушка, — прошептала девушка, закусив губу, — пощади.

— Сама пойдешь или мужиков позвать?!

Девушка, подобрав лохмотья разорванной сорочки, медленно подползла к двери в подпол. Оттуда веяло сыростью и могильным холодом. Посмотрела с надеждой на матушку Ефросинью — та отвернулась, поджав губы.

Вздохнув, девушка, спустилась по деревянным ступеням в подпол. Услышала, как на лестницу упали несколько восковых свечей, спички. Последним вниз полетел платок, в котором она пришла к матушке.

Крышка захлопнулась. Девушка оказалась в непроглядной тьме.

Глава 1

КАРИНА

Конец марта, Смоленск

— Карин, я в магазине, чего взять к ужину? — Рафаэль громко шмыгнул в трубку — замерз, покосился на посиневшие пальцы, интенсивно подышал на них.

К черту такой март, который хуже ноября: пуржит, но мелко, будто исподтишка, противно и пакостно. Снег тает, не долетая до земли, оседая крупинками на волосах, одежде. Но самое мерзкое то, что чавкает под ногами, пробираясь даже сквозь швы зимних ботинок.

Схватив тележку, парень решительно вкатил ее в торговый зал, по привычке притормозил в овощном отделе.

— Ну, чего брать-то? — поторопил, потому что Карина молчала.

Она замер у прилавка с колбасами, повел носом, сразу почувствовав, как жалобно заскулил голодный зверь в желудке, поскребся.

— Ничего, Раф. Себе бери что хочешь, я приготовлю.

Рафаэль засопел озадаченно, отошел от прилавка, чтобы не мешать молодой паре выбирать продукты, посмотрел с завистью. Прикрыв динамик ладонью, уточнил:

— Карин, что-то случилось? Болит что-то? Мать звонила? — С каждым вопросом тревожность нарастала.

Карина в последнее время беспокоила его. Стала молчаливой, замкнутой и раздражительной. На безобидную шутку о возможной беременности отреагировала агрессивно: «Не смей шутить об этом!» А чего не смей? Раф же хотел, наоборот, подбодрить, намекнуть, что в принципе, готов и хотел бы. И оформить

отношения не против. И даже говорил ей об этом. Но Карина мрачнела и уходила от разговора. Причем уходила буквально — подрывалась, будто кипятком ошпаренная, бормотала что-то про «кучу дел» и убегала на кухню. Бесконечно что-то драила и мыла.

Запретила покупать хлеб. Стала печь сама, по особому рецепту, который подсказала знакомая. Перестала готовить половину блюд. Тяготела к простой и грубой пище. Рафаэль сначала подумал — ну, неохота готовить, вот и запаривает гречу в воде да на ночь в холодильник ставит. Ну не хочет морочиться с подливками — некогда, на работе устает, учится опять же. Хоть и в вечерке, но все-таки.

Предложил как-то покупать готовую еду, денег вроде хватает. Карина взбесилась. Неделю с ним не разговаривала.

Но самое главное, что озадачивало Рафаэля, — она перестала петь. Вообще.

Раньше что бы Карина ни делала, она всегда что-то мурлыкала под нос. Или слушала в наушниках, или на Яндекс-станции. Музыка постоянно сопровождала ее. Разная — современная и не очень, отечественная и западная, рок и этно, джаз и фольклор. Сейчас же Карину будто отключили от приемника — тишина.

И эта глухая тишина вокруг нее разрасталась, прорастала и в их отношения.

И Раф ничего не понимал.

Окинув взглядом покупателей, он отошел к стеллажу с консервацией, уткнулся в него лицом и проговорил в трубку:

— Карин, что молчишь? Что происходит?

— Ничего не происходит. Просто себе бери продукты, а у меня голод.

— То есть как? Это диета какая-то новая? Так тебе на фигура, у тебя все в порядке с фигурой, а голодовка те...

Карина не позволила договорить, оборвала на полуслове:

— Раф, я не прошу у тебя совета. Ты спросил. Я ответила. Всё.

И отключила связь.

Рафаэль посмотрел на потемневший экран телефона, все еще не веря, что это оказалось возможным — Карина никогда не прерывала разговор вот так. Бросив к черту затею с покупками и оставив тележку у касс, он вышел из магазина, торопливо вер-

нулся в машину, завел двигатель и выехал со стоянки, уже чувствуя, что вечер окажется не из приятных.

Дома горел только нижний свет — тоже недавнее нововведение Карины: она перестала любить яркий электрический. Вечером передвигалась в потемках или включала подслеповатые настольные лампы в гостиной и спальне. Едва заметный желтый свет пробивал темноту, ложился унылыми тенями на пол и стены. А Рафаэль видел это уныние через объектив фотоаппарата — каждый день по сто раз. Поэтому дома любил оранжевый свет, солнечные цвета и тепло.

В неуютном полумраке Рафаэль ежился и включал свет.

Карина шла следом и выключала его.

— Что ты в потемках опять? — Раф подавил нарастающее раздражение, ударил ладонью по выключателю в коридоре, зажмурившись с непривычки от яркого света, полоснувшего по глазам.

Карина подошла к нему, дежурно чмокнула в щеку и снова выключила свет.

— Надо быть бережливее, нам жизнь дана не для того, чтобы прожигать ее, — отметила с укором. Окинув молодого человека взглядом и не заметив пакета из продуктового магазина, удивилась: — Почему ты ничего не взял?.. Хорошо, я разжарю тебе гречку и сварю сосиски, там в холодильнике еще остались.

Развернувшись, она пошла в кухню.

— Не надо мне сосиски! — крикнул вслед Рафаэль.

Но его уже никто не слушал. В кухне загремела посуда, приглушенно хлопнули шкафчики. Зашумела вода.

Рафаэль снял ботинки, поставил на полку. Прошел следом за Кариной и молча опустился на стул, продолжая наблюдать за ней. Девушка покосилась на него, посмотрела через плечо:

— Куртку-то чего не снял?.. И руки помой!..

— Карин, ты с какими-то экологами связалась, да? — проигнорировав ее просьбу, спросил Рафаэль.

Ему нужно было понять.

Сам удивился, каким бесцветным прозвучал его голос. Будто свет выключили не только в квартире, но и у него в душе. Будто там тоже — желтый абажур в дальнем углу и длинные тревожные тени по стенам.

Карина фыркнула:

— Что за глупости?

— Ну, я больше не могу придумать логического объяснения: свет не включай, еду не готовь, распаривай, сыроедение какое-то постоянно практикуешь, книжки странные читаешь...

— Они не странные, они по саморазвитию.

Рафаэль придвинул к себе тонкую брошюру, скептически отозвался, прочитав название:

— «Солнце в себе» — это про саморазвитие?

Карина резко обернулась к нему, прислонилась бедром к столешнице и скрестила руки на груди:

— Что ты хочешь от меня? Я стараюсь сохранить те осколки тепла, что есть между нами! Но ты не помогаешь мне, ты пытаешься препарировать, ломать, докапываться до того, что я из последних сил стараюсь сгладить и сравнять...

Раф ее не узнавал: яростный, непримиримый взгляд, плотно сомкнутые губы, обострившиеся скулы, расширяющиеся ноздри. Карина была в бешенстве и плохо скрывала это.

— Карин, — примирительно начал Рафаэль. Но осекся, опустил голову. И принялся тереть лоб, разгоняя некстати начавшуюся боль.

— Что «Карин»? Что, я не права? Не смей смотреть на меня, как на сумасшедшую!

— Но я не...

— Знаешь, с меня хватит! — Карина сорвала с талии передник, бросила его на стол.

— Карин, не истери.

— Значит, я еще и истеричка?! — взвизгнула девушка. Смирив Рафа презрительным взглядом, горестно проговорила: — Верно мне говорили, что ты меня никогда не понимал.

Рафаэль потерял дар речи. Но Карина, кажется, высказалась и в дальнейшем споре участвовать не захотела. Решительно вышла их кухни.

— Карин, я знаю, когда женщина голодная, она злая! — крикнул ей вслед Раф. — Давай по пельмешке?

Дверь в спальню тихо затворилась и... щелкнула задвижка.

Рафаэль не помнил, чтобы у них была на двери задвижка — откуда ей там взяться, зачем? Но характерный звук ни с каким

другим не перепутать. Посидел в тишине, прислушиваясь. Поднялся, выключил газовую конфорку и включил свет. Прошел в коридор, толкнул дверь спальни — да, и вправду заперта изнутри. Постучал костяшкой указательного пальца в косяк и позвал:

— Карин? Ну ты чего ушла-то? Я же шутил... Карин?

Она не ответила. Прищурившись, Раф посмотрел через причудливые узоры вставленного в полотно двери узкого стекла — видимо, Карина лежала на кровати, отвернувшись к окну. Кажется, в одежде. Он постучал еще раз. Подождал. И направился в гостиную. Включил свет и телевизор, нашел новостной канал — снова наводнение, вспышка неизвестной инфекции, политические выступления во Франции, умные и печальные лица. Выключил звук и опустился на диван.

— Черт-те что, — пробормотал рассеянно, интенсивно растирая лицо.

Усталость накатила, накрыв с головой, придавила потяжелевшие плечи к спинке дивана, опустила затылок на подголовник. Прислушиваясь к тому, что происходит в квартире, Рафаэль задремал.

Сквозь сон он слышал голос Карины. Будто она говорила с кем-то по телефону — тихо и напряженно. Потом слышал шаги. Скрип мебели. Шорохи.

Хотелось встать и выяснить, что там происходит, но сон не отпускал, усталость забирала свое. Рафаэль спал, вытянув ноги и раскинув руки по дивану...

Рафаэль проснулся от головной боли — шея затекла, онемение расплозлось от затылка по шее и предплечьям, от напряжения свело мышцы. Молодой человек с трудом пошевелился — тело не слушалось, будто чужое. С трудом повернул голову влево-вправо, растер виски. Прислушался. Осторожно встал и прошел на ватных ногах в ванную.

Проходя мимо спальни, заметил, что дверь приоткрыта. Помешкав всего пару мгновений, легонько толкнул ее и заглянул в комнату. Кровать оказалась не расправленной. Чуть примятая